

УДК 31

Теоретико-методологические проблемы формирования отечественной системы знаний о феномене конфликта

Бухараев В.М.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского (Приволжского) федерального университета

Межведилов А.М.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье анализируется проблема оформления отечественной системы знаний о явлении конфликта, развернувшегося в условиях социальных сдвигов конца 80-90-х годов XX в., в соотношении с западной научной традицией. В центре внимания авторов – различие и сходство в подходах к феномену конфликта и его истолкования в российской и зарубежной конфликтологии. Авторы приходят к выводу о наличии в отечественной науке заметных трендов в сторону признания глубинной исторической и логической обоснованности взаимосвязи эволюции общественного развития и теории конфликта. Проводится мысль о результативном характере ориентации на методологический плюрализм и ризоматические образы в концептуалистике конфликта.

Ключевые слова: конфликтологическая парадигма, бесконфликтная теория развития, западная и отечественная традиция изучения конфликта, полипарадигмальные образы знания о конфликтах, вненаучные ценности, теория «равновесия», структурно-функциональный подход в социологии конфликта, логика формирования конфликтологии.

Исследования, располагающиеся в русле конфликтологической парадигмы, отвечают актуальным задачам, стоящим перед отечественным социально-гуманитарным знанием. Во-первых, речь идёт о преодолении последствий бесконфликтной теории развития, которая господствовала в послевоенный период, своеобразно сочетаясь с теорией классово-вой борьбы, «предназначенной» для рассмотрения т.н. антагонистических обществ. Хотя современный российский социум отмечен высокой степенью конфликтности, а в науке уже преобладает понимание конфликта как общественной нормы, в широком общественном дискурсе конфликт продолжает фигурировать в качестве отрицательного и нежелательного явления, порождая своего рода «конфлик-

тофобию». Во-вторых, наряду с переосмыслением идейного наследия советских времён российской социальной науке ещё предстоит масштабное освоение мировой традиции изучения феномена конфликта, на что обращают внимание специалисты: в нашей стране отсутствует развитая конфликтологическая теория, которая облегчала бы выработку и освоение эффективных средств адекватного осмысления возникающих конфликтных ситуаций, их предупреждения или разрешения с помощью применения соответствующей социальной терапии [1, с. 4].

Процесс освоения мировых достижений в области конфликтологии – важное условие оформления отечественной системы знаний о конфликтах предполагает выявление методологических ориентиров,

позволяющих достоверно судить об эволюции теоретических воззрений на природу конфликта в связи с процессами общественно-политического развития, тем более, что «попытки копирования опыта зарубежных конфликтологов, особенно в области социальных проблем, естественно, не рассчитанного на универсальное приложение в любых социокультурных условиях, оказываются мало успешными» [2, с. 7].

Прежде всего, следует представлять различие в подходах к отрасли знания о конфликтах, которое существует в зарубежном и отечественном научном сообществах. В западной социальной науке, отмеченной стремлением избегать жёстких организационно-научных рамок, строгих идентификаций, фигурирует понятие теории конфликта (*conflict theory*) и отсутствует понятие конфликтологии как самостоятельной науки. При этом многие исследователи скептически настроены относительно и возможности, и необходимости выдвигание единой универсальной теории конфликта, претендующей на описание разнородных явлений [3, с. 137–138; 4, с. 329–330]. Возможно, на исследовательскую ситуацию продолжает оказывать влияние фактор, который ещё в середине XX века выделил Дж. Бернад: многие западные социологи хотели бы избежать отождествления с марксизмом, доминировавшим в исследовании конфликтов [2, с. 34].

Напротив, российские исследователи исходят из того, что «есть все основания говорить о самостоятельной комплексной науке конфликтологии, предметом которой является изучение природы, причин, механизмов конфликтов в человеческом обществе, а также путей их предотвращения и разрешения. Эта наука ближе всего стоит к юриспруденции и социологии, но она также тесно соприкасается с психологией, политикой, теорией игр и другими дисциплинами» [5, с. 3–4]. При этом подчёркивается, что «важнейшей особенностью конфликтологии является её комплексный характер» [6, с. 11], она определяется «как область междисциплинарного исследования конфликта» [7, с. 311], объединяющая «теоретические, методологические и методические подходы к описанию, изучению и развитию практики работы с конфликтными явлениями разного рода, возникающими в различных областях человеческого взаимодействия» [2, с. 34]. Особо оговаривается практическая направленность конфликтологии как важного научного направления [см.: 8, с. 6–7; 9, с. 5].

Казалось бы, нет принципиальной разницы между признанием проблематики конфликта дискуссионной/исследовательской площадкой (западная традиция) и присвоением конфликтологии статуса самостоятельной науки (ситуация в отечественном общественном сознании): и в том, и в другом случае сходными методами исследуются сходные проблемы, но это не всё. Статус единой науки о конфликтах реферирует к концептам, которые знаменуют тео-

ретические неудачи, постигшие уже социальную и философскую мысль Запада – разработка общей теории конфликтов, создание единой концептуальной схемы описания всех видов конфликтов, единой же универсальной типологии конфликтов оказались невыполнимыми.

Конечно, научная традиция, как она сложилась, – это такая вещь, от которой практически невозможно отказаться без риска занять маргинальное положение в науке. Поэтому работая в парадигме конфликтологии как единой науки и неизбежно образуя производные от неё самостоятельные «субнауки», подобно провозглашённой в середине 90-х годов прошлого столетия «юридической конфликтологии»¹, не следует всё же возлагать серьёзные надежды на обретение единой теории конфликтов, более продуктивной представляется ориентация на методологический плюрализм и ризоматические образы в концептуалистике конфликта. Собственно, ряд отечественных исследователей как раз демонстрируют тренды в направлении полипарадигмальных образов знания о конфликтах, среди них – А.В. Глухова, автор одной из самых заметных публикаций 90-х годов по проблеме политического конфликта, в которой она рассмотрена через призму конфликтно-консенсусного истолкования политики [11, с. 3]. Отмечая, что в отечественной литературе проблема конфликта не получила должной разработки, а социальные и политические кризисы и конфликты рассматривались преимущественно на историческом материале либо на примере социально-экономических и политических процессов стран Запада, исследователь обращает внимание на то, что на Западе «есть солидная школа конфликтологии, разработавшая многие проблемы природы социальных и политических конфликтов», по сути дела, представляя эту «солидную школу» в качестве большой интеллектуальной площадки, где представлены те или иные аспекты знания о конфликтах и различные подходы к этой проблеме [11, с. 3].

Если между западным и отечественным научным сообществом, в основном, сохраняются противоречия в понимании вопроса о том, могут ли исследования о конфликтах претендовать на статус некой целокупной науки с разветвлённой системой дериватов или же, напротив, изыскания в области конфликтов принципиально не поддаются теоретической универсализации, то в истолковании эпистемологии данной проблемы учёные, принадлежащие к различным научным традициям, находятся друг к другу значительно ближе. Повсеместно признаётся, что процесс возникновения и наращивания знаний,

¹ «Есть основания говорить о создании самостоятельной комплексной науки конфликтологии, предметом которой является изучение природы, причин, механизмов конфликтов в человеческом обществе, а также разработка путей их предотвращения и разрешения» [10, с. 3].

связанных с конфликтом, уходит своими корнями в древние времена. Поэтому рассмотрение фило-софско-социологической традиции изучения конфликтов, являющейся фундаментом, базой для всех направлений конфликтологических изысканий, принято начинать с Античной эпохи и Средних веков. Так, специалисты в области правоведения возводят научную традицию, которая рассматривает конфликт не как отклоняющееся от нормы и преходящее явление, но как постоянный и даже необходимый компонент социальных отношений, к Аристотелю, Гоббсу, Марксу, Веберу [5, с. 15]. Более того, некоторые конфликтологи относят самые ранние исследования проблемы конфликта к VII–VI векам до н.э. Имеются в виду китайские мыслители того времени, полагавшие, что источник развития всего существующего – во взаимоотношениях присущих материи положительных (янь) и отрицательных (инь) форм, находящихся в постоянном противоборстве и приводящих к конфронтации их носителей [12, с. 11].

Значение историко-генетического подхода для изучения проблематики конфликта состоит в том, что он ориентирует исследователей на соотнесение тех или иных концепций современной науки о конфликтах с изначальными, базовыми идеями, выдвинутыми мыслителями прошлого, в том числе весьма далёкого, кроме того, – утверждает взгляд на научную традицию как на сложное взаимодействие позиций, их преемственность и конкуренцию – этот «конфликт интерпретаций» (термин введён французским философом П. Рикёром, представителем герменевтики – системы знаний об истолковании и символических функциях языка [см.: 13]), которым отмечен процесс эволюции теорий конфликта.

Наряду с принципом историзма в его современном понимании, то есть освобождённом от эссенциалистской «нагрузки», следует обозначить некоторые другие, менее общие, методологические ориентации, имеющие важное значение для осмысления процесса изучения проблемы конфликта в теоретической и научной мысли. В первую очередь речь идёт о подходе, согласно которому осмысление феномена конфликта обуславливается не только внутренней логикой эволюции научного познания, но и в значительной мере внешними для науки обстоятельствами, венаучными ценностями – соотношением между стабильностью и кризисными явлениями на том или ином этапе мирового общественного развития, политическими режимами, в условиях которых, собственно, и происходило изучение природы конфликта, доминирующими морально-этическими и идейно-политическими представлениями, какие один из основателей социологии культуры Альфред Вебер назвал социальными религиями, в невиданных масштабах формирующими «практически-динамические преобразующие силы современного человеческого бытия» [14, с. 110], а также отношением

общественных элит, политических классов к тому, с каких позиций рассматриваются конфликтные взаимодействия в обществе.

Действительно, с самого начала проблематика конфликта и консенсуса была ценностно окрашена. Даже социал-дарвинисты, признававшие «естественный» характер происхождения конфликта, расхоронились во мнении относительно того, являются ли конфликты «неизбежным злом» или «позитивным фактором естественного отбора» [2, с. 26]. Да и нынешний конфликтный «социум» негативно воздействует на исследователя, который рискует быть вовлечённым в острые политические события, отступив от беспристрастной, объективной точки зрения. Ведь и в относительно спокойные периоды развития официальные круги склонны были осуждать любые попытки «подрыва» согласия, к которому якобы ведут конфликтологи [5, с. 4]. Во времена социально-политических сдвигов, резкого усиления действия конфликтогенных факторов тем более возрастают претензии властных структур к конфликтологии: «Хорошо это или плохо, но от неё требуются не только академические изыскания, но и предложения о путях решения конфликтных практических задач, таких как противостояние в Чечне, несогласованность в действиях разделённой, согласно Конституции, государственной власти, конфликты политических партий и многое другое» [9, с. 5].

Равным образом надлежит учитывать то обстоятельство, что концепции конфликта разрабатывались, прежде всего, в рамках теории общественно-го развития, социологии, а также психологии, где в центре внимания находятся субъективные причины возникновения и развития конфликтных ситуаций. Что же касается политических и правовых учений, то там собственно конфликтологические теории выделить весьма непросто, тем более что конфликтные модели приходили в эти учения из других «секторов» обществознания, прежде всего, из социологии и общей теории систем. Это вовсе не означает, что утрачивается, не поддаётся вычленению политическая и правовая содержательность теории конфликта. Речь идёт о том, что в ходе обзора традиции изучения конфликтных взаимодействий общие теории конфликта должны быть рассмотрены на предмет выявления в этих теориях подходов, элементов и сюжетов политико-юридического характера.

Наконец, следует хорошо представлять, что современная теория конфликта утверждалась в противовес теории «равновесия», которая выражала первоначальные представления социологов об относительно стабильной и интегрированной природе общественного устройства. Известный финский социолог Э. Асп, автор многих работ по проблеме социального взаимодействия, выводя *summa summaum* проблематики конфликта, делает вывод: «В социологии существуют различные теории и

состояния общества. Одни подчёркивают динамический характер общества и конфликты, связанные с этим, другие акцентируют стабильность и стремление к равновесию. Первая трактовка является собой конфликтную модель состояния общества, вторая – равновесную модель». При этом «многие исследователи сходятся на том, что конфликт предохраняет социальные системы от окостенения, требуя изобретения новшеств и созидательности. По их мнению, например, европейская культура перестала бы существовать, не будь классовых противоречий и социальных конфликтов. По этой теории конфликты необходимы социальной системе для обновления энергии и возрождения творческих сил. Экономическое, техническое и социальное развитие рождалось в противоречиях и подталкивалось ими» [15, с. 149–150]. Подобным же образом оценивают развитие теории конфликта и отечественные исследователи, подчёркивающие как противостояние, так и теоретическое взаимодействие на поле научных изысканий равновесной и конфликтной парадигм в социологии, для первой из которых характерно изучение механизмов, обеспечивающих социальный порядок, а для второй – исследование механизмов, которые систематически порождают социальные конфликты и перемены [см.: 1, с. 13].

С учётом всей системы концептуально-методологических подходов к проблематике конфликта можно, пожалуй, в нескольких абрисах обозначить контуры развития процесса познания феномена конфликта, как оно складывалось на протяжении минувшего века.

В социологических и социально-политических концепциях общественного развития на рубеже XIX–XX веков явно прослеживается интерес к феномену конфликта, формирующийся под влиянием методологии марксизма, установок социал-дарвинизма, других теорий, ориентированных на изучение общественных противостояний. Однако уже в начале XX в. теоретический интерес к конфликтологической проблематике стал снижаться, и в целом первая половина XX в. прошла под знаком равновесной – парсонской в своей основе – модели развития общества. Среди факторов, обусловивших данную парадигмальную ситуацию, – утрата в этот период интереса к теоретическим проблемам социологии в целом; привлекательность перспективы устранения напряжённых ситуаций из общественной жизни в условиях военно-политических потрясений 30-40-х годов, оборачивающаяся интерпретацией конфликта как временного негативного явления, вызванного «неправильностями» в общественном развитии. Поэтому «усилия учёных были сосредоточены на поиске возможностей избегания конфликтов. Сами конфликты интересовали их гораздо меньше» [2, с. 26]; политическая обстановка времён разгара «холодной войны», получившая название «охоты на

ведьм» и отмеченная антикоммунистической истерией, прежде всего, в США вела к тому, что в сознании многих учёных из западных стран конфликтная проблематика неоправданно отождествлялась лишь с марксизмом. Поэтому теоретический интерес к проблеме конфликта, особенно в политической сфере, мог вызвать естественное подозрение в склонности к «подрывной деятельности» [16, с. 21–22].

В этот период проблематика конфликта представлена, главным образом, разработками Роберта Парка и возглавляемой им Чикагской школы, объединившей группу социологов-урбанистов и исследователей противоречий расовых отношений в межвоенные годы, и Элтона Мэйо, который в русле идей школы человеческих отношений (разработка организационно-психологических основ управления производством) разрабатывал методику профилактики и смягчения межличностных и межгрупповых конфликтов на предприятиях [см.: 17, с. 140–188]. Он отстаивал идею о недопустимости абсолютизации политических средств решения социальных проблем, экспериментально доказывая возможность прекращения промышленных конфликтов путем обеспечения сотрудничества работников и управляющих в достижении социальной цели [см.: 18, с. 78–131].

Завершение полосы европейских войн не привело однако, к ожидаемому устойчивому развитию. На фоне нарастания кризисных явлений, связанных с возросшей монополизацией экономики и бюрократизацией всех сфер жизни общества, расширением базы различных движений социального протеста, распространением как радикалистских, так и либерально-критических настроений, взгляды Парсонса уже в 50-е годы стали подвергаться критике за «нежизнеспособность», «консерватизм», а также «сверхсоциализированную концепцию человека». Активными критиками Парсонса выступили представители того направления в американской социологии, которое опиралось на работы Райта Миллса, одного из авторов «теории элит» (функционализм Парсонса он бичевал как праздную «великую теорию») [см.: 4, с. 423–424], и получило наименование «активистского», «радикального», «действенно-ориентированного» (среди них С.Е. Дойч, Дж. Ховард, Р. Флэкс, И.Л. Хоровитц, Т.Ф. Хольт, М. Стейн, А. Видих). Эти социологи считали функционализм «консервативным способом анализа, поддерживающим существующее положение, не принимая во внимание изменений, утверждающим, что общество находится в состоянии динамического равновесия, тогда как на самом деле основным фактом социальной жизни является непрекращающееся соревнование и конфликт среди групп» [см.: 17, с. 260].

В 1970–1980-е годы общее преобладание структурно-функциональных подходов в западной социологии окончательно сходит на нет и наблюдается возвращение на новом уровне к тем идеям, которые

базируются на конфликтной, а не равновесной парадигме. Однако господство конфликтологических подходов, во-первых, не отменяет использования тех или иных теоретических положений функционализма в современной науке, а во-вторых, подвержено известным колебаниям вследствие изменений мировой общественно-политической обстановки. Так, констатируя состояние относительного социального порядка, достигнутого в начале 80-х годов, автор систематического очерка конфликтологии усматривает в нём обстоятельство, которое – на фоне широкого распространения конфликтологической парадигмы – «всё же стимулировало усиление стабилизационной ориентации. Значительно способствовали этому процессу объективные изменения, происходящие в современном мире, потребность в единстве мирового сообщества перед лицом глобальных проблем» [16, с. 30].

Прибегая к высокому штилю, можно сказать, что отечественное обществознание всё более уверенно движется к осознанию исторической и идеологической обоснованности взаимосвязи между конфликтной по самой своей природе жизни социума, да и людей вообще, с теориями и концепциями, которые стремятся описать этот системообразующий регистр человеческого бытия. Попытаемся и мы в самой обобщённой форме что-то молвить на этот счёт: историческое развёртывание общественной жизни между двумя условными полюсами – стабильностью, правопорядком, с одной стороны, а с другой – изменениями, «перерывами постепенности», нашло своё отражение в логике формирования и развития конфликтологии: современная теория конфликта утверждалась в противовес теории равновесия, но эта же конфликтологическая парадигма – в более широком, общенаучном смысле – является дополнением парадигмы социального порядка.

8. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. Уч. пособ. Для студентов ВУЗов. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 317 с.
9. Кудрявцев В. Предисловие // Дмитриев А.В. Конфликтология. – М.: Инфра-М, 2000. – С. 3-4.
10. Юридическая конфликтология. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – 316 с.
11. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика: Теоретико-методологический анализ. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 280 с.
12. Анцупов А.Я., Шипилов А.Н. Конфликтология. – М.: ЮНИТИ, 1999. – 560 с.
13. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. – М.: Медиум, 1995. – 415 с.
14. Философский словарь (Philosophisches Wörterbuch begründet von Heinrich Schmidt) / Сокращ. пер. с нем. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 719 с.
15. Асп Э.К. Введение в социологию. – СПб.: Алетейя, 1998. – 250 с.
16. Дмитриев А.В. Конфликтология. – М.: Инфра-М, 2000. – 224 с.
17. Громов И.А., Мациевич А.Ю., Семёнов В.А. Западная теоретическая социология. – СПб.: Изд-во «Ольга», 1997. – 286 с.
18. Бурганова Л.А., Савкина Е.Г. Теория управления Элтона Мэйо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2007. – 160 с.

Литература:

1. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). – М.: Изд-во Эдиториал, 1999. – 344 с.
2. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.
3. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь (The Penguin). – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1997. – 420 с.
4. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 2. – М.: Вече-АСТ, 1999. – 528 с.
5. Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н. Введение в общую теорию конфликтов. 2-е изд. – М.: МАЭП, ИИК «Калита», «Собрание», 1998. – 158 с.
6. Зеркин Д.П. Основы конфликтологии: Курс лекций. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 480 с.
7. Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. акад. РАН Осипова Г.В. – М., 1995. – 940 с.

Theoretical and Methodological Problems of Formation of Domestic Knowledge System Concerning the Phenomenon of Conflict

V. Boukharaev, A. Mezhvedilov
The Kazan (Volga Region) Federal University

The paper refers to the problem of formation of domestic knowledge system concerning the notion of conflict aroused in the situation of social changes in 1980-1990-s in comparison with western tradition. The authors focus on the similarities and differences in domestic and western approach to the phenomenon of conflict and its interpretation in Russian and foreign conflict management studies. The authors come to the conclusion that domestic science demonstrates the tendency to admit the existence of deep historical and logical foundation of interrelation of social development and the theory of conflict. The authors prove the efficiency of methodological plurality and risoma-like images in conceptual studies of the conflict.

Key words: conflictological paradigm, conflict-free theory of development, western and domestic tradition in conflict management studies, polyparadigm images of conflict studies, extra scientific values, «equilibrium» theory, structural and functional approach in sociology of conflict, logics of development of conflict studies.

